

**ВЗГЛЯД НА ГЛУПОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ
С УНИКАЛЬНЫМИ ВНУТРЕННИМИ ФОРМАМИ
В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ)**

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

В работе проанализированы наименования из семантического поля «глупость», обладающие уникальными внутренними формами в русском и белорусском языках. Описаны различия в восприятии элементов данного семантического поля, закрепленные в их внутренних формах. Продемонстрирован богатый потенциал метафорического переноса при создании единиц, именующих один денотат и обладающих различными внутренними формами.

Ключевые слова: белорусский язык; русский язык; внутренняя форма слова; глупость.

**ПОГЛЯД НА ДУРАСЦЬ СКРОЗЬ ПРЫЗМУ
ЎНУТРАНАЙ ФОРМЫ СЛОВА
(НА МАТЭРЫЯЛЕ СЕМАНТЫЧНЫХ КАРЭЛЯТАЎ
З УНІКАЛЬНЫМІ ЎНУТРАНЫМІ ФОРМАМІ
Ў РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ)**

Г. І. Кавалёва

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

У рабоце прааналізаваны найменні з семантычнага поля «дурасць», якія маюць унікальныя ўнутраныя формы ў рускай і беларускай мовах. Апісаны адрозненні ва ўспрыняцці элементаў гэтага семантычнага поля, зафіксаваныя ў іх унутраных формах. Прадэманстраваны вялікі патэнцыял метафарычнага пераносу ва ўтварэнні адзінак, якія называюць адзін дэнатат і маюць розныя ўнутраныя формы.

Ключавыя словы: беларуская мова; руская мова; унутраная форма слова; глупства.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) является одним из параметров межъязыкового сопоставления, а именно той призмой, через которую

можно рассмотреть представления носителей языка о явлениях действительности, зафиксированные в плане выражения их наименований. Одним из продуктивных путей сопоставления фрагментов языковых картин мира может служить анализ различных ВФ, присущих названиям одних и тех же явлений.

Цель данной работы – выявление различных представлений, зафиксированных во ВФ слов русского и белорусского литературных языков, о таком универсальном понятии, как глупость¹.

Материалом для исследования послужили наименования, относящиеся к семантическому полю «глупость», извлеченные методом сплошной выборки из Белорусско-русского и Русско-белорусского словарей под редакцией А. А. Лукашанца [1; 2].

В качестве элементов семантического поля рассматривались наименования, содержащие семы ‘умственно ограниченный, неумный’ и ‘лишенный разумного содержания, бессмысленный’.

Посредством применения челночного метода (перевод от слова исходного языка к соответствующему слову языка-цели, затем от переведенного слова языка-цели к соответствующему слову исходного языка и так далее [3, с. 132]) конструировались денотативные корпуса, включающие в себя все зафиксированные в переводном словаре наименования одного и того же денотата. На основании сопоставления ВФ каждого члена денотативного корпуса с внутренними формами других членов корпуса выявлялись уникальные ВФ – такие, которые свойственны наименованию денотата в одном из языков сопоставления и не характерны для его наименований в другом.

Анализ лексики, репрезентующей семантическое поле «глупость», показал, что носители близкородственных языков несколько по-разному видят элементы данного поля со следующими значениями:

- 1) ‘глупые поступки, речи, мысли’;
- 2) ‘глупый человек’;
- 3) ‘говорить глупости’.

Ниже остановимся на языковой репрезентации каждого значения подробнее.

Денотативный корпус со значением «глупые ‘лишенные разумного содержания, бессмысленные’ поступки, речи, мысли» характеризуется наличием уникальных ВФ исключительно в русскоязычной его части. Глупые поступки, речи, мысли представлены в русском языке как:

- 1) нечто невероятное:
дичь ‘вздор, чепуха, нелепость’ ← *дикий* ‘невероятный, немыслимый’;

¹ В работе не анализировались просторечные лексические единицы, представляющие семантическое поле «глупость» в национальных русском и белорусском языках.

2) нечто ненужное, неосновное:

дребедень ‘взор, чепуха’ ← *дребедень* ‘ненужные, незначительные, обычно мелкие вещи, пустяки’;

околесица ‘бессмыслица, вздор’ ← *околесить* ‘обойти или объехать вокруг чего-либо’;

3) нечто неясное:

муть ‘ерунда, чушь’ ← *мутный* ‘помраченный, смутный (о сознании, разуме)’;

4) нечто, не имеющее логической связи:

нескладица ‘то, в чем нет смысла; чепуха’ ← *нескладный* ‘лишенный логической связи, последовательности, неумело выраженный’.

Русское прилагательное *дурацкий* также имеет уникальную относительно его белорусских коррелятов ВФ и описывает глупые поступки, речи, мысли как присущие глупому человеку: *дурацкий* ‘лишенный здравого смысла, глупый, неясный’ ← *дурак* ‘глупый, тупой человек’.

Анализ денотативных корпусов, в которые входят наименования глупых поступков, речей, мыслей, а также прилагательных, характеризующих их как глупые, позволяет утверждать, что русские наименования отразили многоаспектность таких поступков, речей, мыслей. ВФ их белорусских названий характеризуют исключительно сами данные явления, описывая их как бессмысленные, неразумные: *глупства, недарэчнасць* ← *недарэчны* ‘неразумны, бясээнсавы’, *бязглуздыца*. ВФ русских наименований добавляют дополнительные штрихи к изображению глупых поступков, речей, мыслей.

В русском языке на уровне ВФ слов, помимо зафиксированных белорусскими наименованиями характеристик, присутствует указание на:

– источник глупых поступков, речей, мыслей (*дурак*);

– причину, по которой глупые речи таковыми являются (они *нескладные*);

– реакцию окружающих на такие поступки, речи, мысли: люди не понимают глупых речей и поступков (считают их *мутными*), не верят им (рассматривают их как *дикие*) и считают, что произносить и совершать их не следует (они не нужны, как *дребедень*, являются чем-то неосновным (произнося глупые речи, человек будто *околесил* главную тему разговора)).

Таким образом, русские наименования глупых речей, мыслей, поступков чрезвычайно подробно, в отличие от белорусских, обрисовывают ситуацию совершения глупых поступков / озвучивания глупых мыслей / произнесения глупых речей.

Анализ наименований глупого человека в литературных белорусском и русском языках позволяет утверждать, что в восприятии данного лица носителями сопоставляемых языков нет принципиальных различий.

И в русской, и в белорусской языковых картинах мира глупец представлен как человек, не способный понять окружающих, такой, на которого невозможно повлиять.

В русском языке это *бревно* ‘тупой, глупый или нечуткий человек’, который подобен *бревну* ‘очищенному от веток и без верхушки стволу срубленного большого дерева или части такого ствола’. В белорусско-язычной части денотативного корпуса элементов сравнения больше:

абух ‘дурань’ ← *абух* ‘тупая патоўшчаная частка вострай прылады (звычайна сякеры), процілеглая лязу’;

булава ‘някемлівы, неразумны чалавек’ ← *булава* ‘гімнастычная прылада, якая мае выгляд бутэльні з патоўшчаннем на вузкім канцы’;

даўбешка ‘тупы, някемлівы чалавек’ ← *даўбешка* ‘цяжкае палена з вычасаным дзяржаннем для забівання, расколвання чаго-небудзь і пад.’;

надаўбень ‘тупы, неразважлівы чалавек’ ← *надаўбень* ‘жалезабятонная рэйка, тумба ці бярвяно, якія ўбіваюцца ў зямлю як проціватанкавая загарода’.

Как заметно из приведенных примеров, в них признак «неспособность понять окружающих» реализован посредством метафор с общим основанием для сравнения: во всех случаях глупец сопоставлен с прочным объектом, который не поддается легкому физическому воздействию.

В глаголах, именующих озвучивание глупостей, зафиксирована только одна уникальная ВФ. Белорусский глагол *мянціць* ‘гаварыць многа і без толку, гаварыць бязгрудзіцу’ ← *мянціць* ‘вастрыць мянташкай’ подчеркивает бессмысленность произносимого, описывая данный процесс следующим образом. Человек, говоря глупости, совершает движения языком, которые напоминают движения при точке косы, что сопровождается извлечением звука. Иначе говоря, во время произнесения глупостей человек сосредоточен на артикуляции и фонации, но не на смысле речи. Одно из оснований для данной метафоры – механическое движение языком – представлено и в других русских и белорусских глаголах, называющих болтливость и произнесение глупостей (рус. *болтать*, *молоть*, *трепаться*; бел. *малоць*, *трапацца*). Однако ассоциативная связь между глупыми речами и заточкой косы, а также указание на звуковую сторону речи закрепились только в белорусском слове.

Анализ наименований, составляющих семантическое поле «глупость», позволяет сделать следующие выводы.

1) Несмотря на универсальность такого понятия, как глупость, у слов, представляющих семантическое поле «глупость» даже в близкородственных языках, могут наблюдаться уникальные ВФ.

2) Уникальные ВФ свойственны белорусским и русским элементам семантического поля «глупость» со значениями ‘глупые поступки, речи, мысли’; ‘говорить глупости’; ‘глупый человек’.

3) Уникальность ВФ русских наименований, объединенных семой ‘глупые поступки, речи, мысли’ обусловлена тем, что в русском языке последние охарактеризованы более подробно. Их русские названия отражают большее число мотивирующих признаков, чем белорусские семантические корреляты.

4) Уникальность ВФ наименований глупых лиц в русском и белорусском языках иного рода. Мотивирующий признак, зафиксированный уникальными ВФ русских и белорусских наименований один, – неспособность глупого человека понимать.

Все разнообразие ВФ наименований глупца в русском и белорусском языках является следствием того, что их носители осмыслили эту его характеристику через сравнение с **различными** прочными предметами. Уникальная ВФ бел. глагола *мянціць* ‘гаварыць многа і без толку, гаварыць бязгледзіцу’ также связана не с высвечиванием неизвестного русским наименованием признака, а с оригинальным объектом для сопоставления – процессом точки косы.

5) Элементы денотативного корпуса со значением ‘глупый человек’ отчетливо показывают богатейший потенциал метафорического переноса при создании единиц, именующих одно и то же явление и при этом обладающих различными ВФ.

6) В белорусской языковой картине мира глупый человек подобен обуху, булаве, тяжелому полену и противотанковому заграждению. Ему так же трудно объяснить что-либо, как физически воздействовать на данные прочные предметы. Говоря глупости, человек будто точит косу: совершает поступательные движения языком, которые сопровождаются звуком, однако такая речь не является речью в полном смысле слова, поскольку лишена плана содержания.

В русской языковой картине мира глупый человек также не способен понять окружающих, однако его умственная прочность – неспособность откликаться на мысли извне – сопоставлена с физической прочностью срубленного ствола дерева. Исходя из ВФ русских наименований ситуацию произнесения глупых речей (отдельные элементы ситуации актуальны и для совершения глупых поступков) можно описать так: глупый человек, произнеся речь, будто околесил тему разговора, наговорил много, но не коснулся сути. Части его речи оказались логически не связаны между собой, а окружающие ее не поняли, не поверили ей и посчитали, что ее произносить не стоило.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. / пад рэд. А. А. Лукашанца. Мінск : БелЭн імя Петруся Броўкі, 2012.
2. Русско-белорусский словарь : в 3 т. / под ред. А. А. Лукашанца. Мінск : БелЭн імя Петруся Броўкі, 2012.
3. *Ровдо И. С.* Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : матэрыялы V Міжнар. канф. (Віцебск, 25–27 мая 2000 г.) / пад агул. рэд. А. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. Віцебск, 2000. – С. 132–137.